

Шэнь Чан Ань только бровь удивлённо приподнял.

- М-да... - старик окончательно смешался и, пятясь задом, начал отступать к выходу со двора.
- Извините, ради бога, за беспокойство. Всего хорошего, господа хорошие, не смею больше задерживать.

С этими словами он развернулся и почти бегом припустил к воротам, так резво, словно за ним гнались все черти ада.

- Ничего себе дедушка... резвый, - только и смог выдавить из себя Дин Ян, с уважением глядя вслед удаляющейся фигуре. - Хорошо ещё, что он оказался не злопамятным, а то пришлось бы тебе, Чан Ань, несладко. Представляешь, если б он каждый день под окнами дежурил и скандалил?

- Я же сразу сказала, что Чан Ань не похож на человека, способного обидеть ребёнка, - встала Чэнь Пань Пань, вспомнив, как Чан Ань недавно весьма убедительно разобрался с местными хулиганами, заставив их мяукать. Она деликатно прокашлялась. - Ты, конечно, можешь и взрослого мужика отлупить, если припрёт, но детей... детей ты не тронешь.

Старое дерево во дворе, на котором всё ещё болталась капельница с питательным раствором, слегка качнулось под порывом ветра, и несколько пожухлых листьев, медленно кружась, упали на землю.

- Но всё равно тебе не повезло, - посочувствовал Дин Ян, хлопнув Шэнь Чан Аня по плечу. - Вляпаться в такую историю ни с того, ни с сего... Сходил бы ты, что ли, в храм, божкам помолился, от греха подальше.

- Если бы молитвы помогали, я бы вообще на работу не ходил, - усмехнулся Шэнь Чан Ань, и в голосе его послышались какие-то странные, отстранённые нотки. - Ладно, время обеда. По домам.

- Ага, точно, обед, обед, - засуетились коллеги, мигом забыв о странном происшествии.

* * *

В своём кабинете, попивая чай из любимой кружки, начальник Ду Чжун Хай наблюдал в окно, как его молодые сотрудники гурьбой высыпали из здания и разбрелись в разные стороны. Он усмехнулся, покачал головой, и машинально потрогал свою заметно поредевшую на макушке шевелюру.

Потом, допив чай, он неторопливо вышел на балкончик, постоял немного, глядя на опустевшую улицу, и так же не спеша, с чувством собственного достоинства, отправился домой обедать. Жена сегодня была в хорошем настроении и обещала приготовить его любимое блюдо -

тушёную свинину на рёбрышках с картошкой. Надо было поторапливаться, чтобы не опоздать к столу.

* * *

Вернувшись домой, Шэнь Чан Ань первым делом обратил внимание на плотно закрытую дверь квартиры старика Чжана. Он постучал – никто не ответил. Решив, что сосед, видимо, ушёл по своим делам, он приготовил обед только на себя, быстро перекусил и, по заведённой привычке, написал несколько сообщений Дао Няню.

Благодаря его, Шэнь Чан Аня, настойчивости и упорству, Дао Нянь теперь отвечал довольно регулярно. Слов, правда, по-прежнему было немного, но сам факт ответа уже вселял надежду и говорил о несомненном прогрессе в их странном общении.

После обеда, вернувшись в офис, Шэнь Чан Ань обнаружил, что тётушка Цзюань так и не появилась. От Чэнь Пань Пань он узнал, что у младшей сестры Цзюань, живущей в деревне, случилось какое-то крупное несчастье, и та срочно уехала к ней, отпросившись на несколько дней. Шэнь Чан Ань отправил коллеге короткое сообщение с вопросом, не нужна ли помощь, но ответа пока не получил – видимо, женщина была занята.

После работы, вместо того чтобы сразу идти домой, Шэнь Чан Ань заглянул в супермаркет. Толкая перед собой тележку и разглядывая полки с продуктами, он снова набрал сообщение Дао Няню.

Чан Ань: "Дао Нянь, а у тебя есть какие-нибудь продукты, которые ты не ешь? Аллергия, непереносимость, просто не любишь?"

Нянь: "Нет".

Судя по стремительному сокращению дистанции в их переписке, за последние несколько дней дружба между ними достигла небывалых высот – они уже обращались друг к другу просто по имени, без всяких церемонных "господин". Для человека, который, казалось, вообще избегал любых контактов с окружающими, это был прогресс просто космического масштаба. Не иначе как чудо.

Чан Ань: "А фрукты? Какие-то особенно любишь?"

Нянь: "Нет"

Чан Ань: "Тогда я на своё усмотрение куплю. Ты завтра приходи пораньше, я тебе что-нибудь вкусненькое, аппетитное приготовлю. Для начала".

Нянь: "Хорошо".

В этом "хорошо" по сравнению с предыдущим "нет" появилась даже точка после обращения, что, по мнению Шэнь Чан Аня, явно свидетельствовало о том, что Дао Нянь искренне рад предстоящему визиту и ждёт его с нетерпением.

* * *

Дао Нянь тем временем, отложив телефон в сторону, снова расслабленно откинулся на мягкие подушки своего любимого ложа. Он лениво, чуть шевельнув указательным пальцем, подал знак человеку, стоявшему перед ним в почтительной позе, что тот может продолжать свой доклад.

- Господин, на севере скопилась какая-то гнилая, мерзкая энергия (1), из неё уже зародилось несколько злобных духов, - докладывал Лю Мао. - Человеческие Небесные наставники уже выехали на место. Один из них даже соорудил алтарь и приготовился к ритуалу. Может, нам стоит...

- Нет, - коротко оборвал его Дао Нянь. - Каждый должен заниматься своим делом. Их проблемы - им и решать.

- Господин совершенно прав, - тут же подхватил Лю Мао. - Нечего потакать человеческой привычке при малейшей опасности бежать к богам и духам за помощью. Сами виноваты, сами пусть и расхлёбывают. А если уж совсем не справятся - Загробный мир вмешается. Так что не о чем беспокоиться.

Дао Нянь чуть заметно, одними уголками губ, усмехнулся и одобрительно кивнул.

В конце концов, люди так любят повторять, что они - дети богов. Но у самих же людей есть прекрасная поговорка: "Баловать дитя - всё равно что убить его" (2). А потакать, угождать, решать за других их проблемы - разве это не та же самая медвежья услуга, которая только портит и развращает?

Так что всё, что они делают, они делают исключительно ради их же, человеческого, блага. Чтобы не избаловать, не испортить, не лишить самостоятельности. Исключительно из добрых побуждений.

1. 霉氣 (huìqì) - гнилая, мерзкая энергия - в даосизме понятие, обозначающее негативную, загрязнённую, "нечистую" энергию, возникающую в местах разложения, смерти, скопления негативных эмоций. Считается благоприятной средой для зарождения злобных духов и нечисти.

2. 慣子如殺子 (guàn zǐ rú shā zǐ) - литературный перевод - "баловать дитя - всё равно что убить его" - китайская идиома, народная мудрость о вреде чрезмерной опеки и вседозволенности в

воспитании детей. Означает, что потакание всем капризам и отсутствие строгости в конечном итоге губят ребёнка, делают его неприспособленным к жизни.

<http://bllate.org/book/16518/1504763>